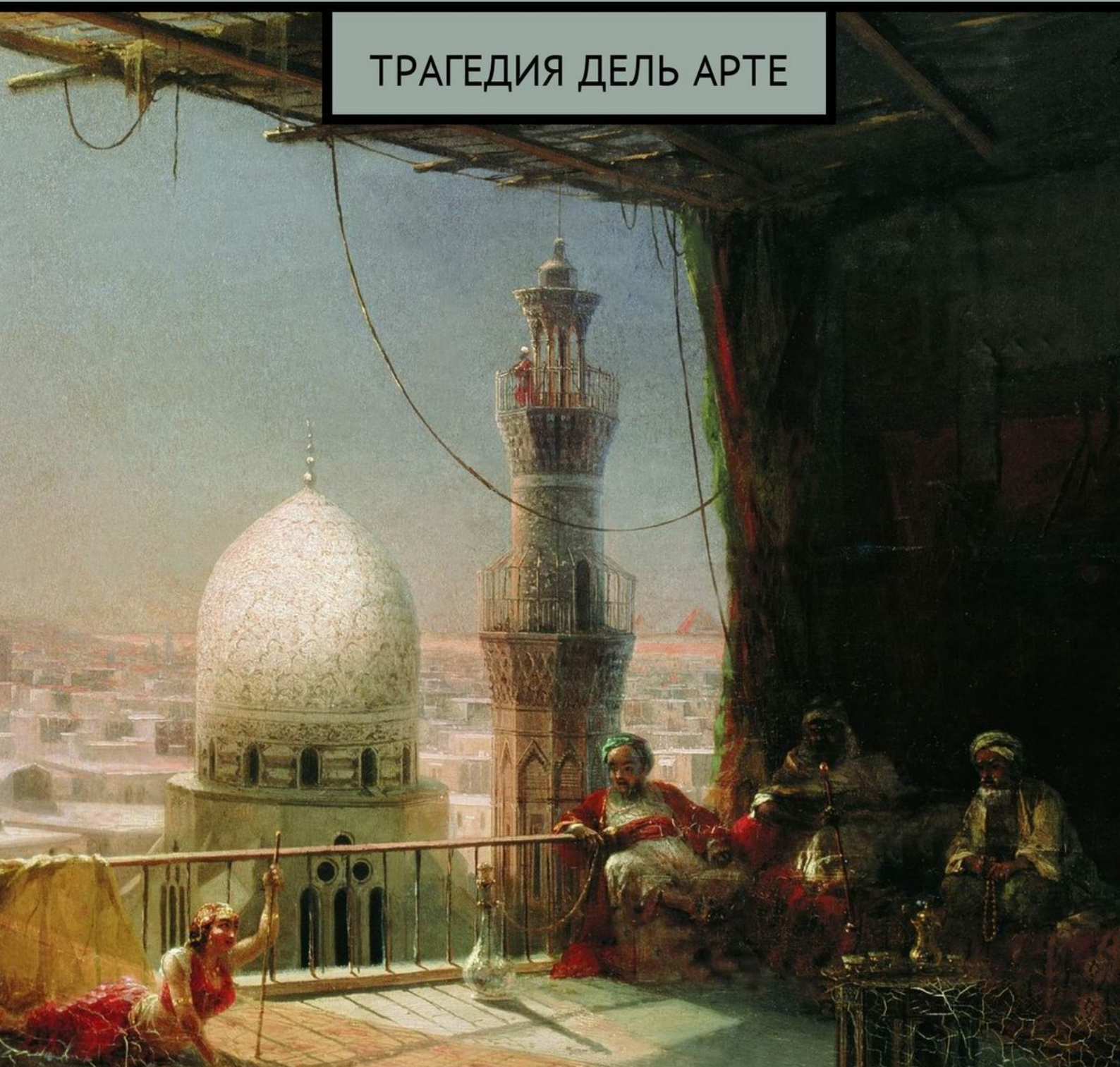

ВИКТОР ГУСЕВ-РОЩИНЕЦ

Блистательные сцены жизни

ТРАГЕДИЯ ДЕЛЬ АРТЕ

Виктор Гусев-Рощинец

**Блистательные сцены
жизни. Трагедия дель арте**

«Издательские решения»

Гусев-Рощинец В.

Блистательные сцены жизни. Трагедия дель арте / В. Гусев-Рощинец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855930-3

Настоящий авторский сборник состоит из рассказов и памфлетов, отражающих некоторые драматические мировые события начала двадцать первого века. К этой же проблематике примыкает драма в стихах «Наследник».

ISBN 978-5-44-855930-3

© Гусев-Рощинец В.
© Издательские решения

Содержание

1. Аглая	6
2. Ариец	10
3. Хунга	13
Богоотступник	13
Безумец	14
Боксёр	15
Минотавр	17
4. Великий демократ	19
5. Наказание неотвратимо	22
Пилот	22
Снайпер	26
6. Игуана – numero uno	29
7. Полковник	31
8. Письмо	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Блистательные сцены жизни Трагедия дель арте

Виктор Гусев-Рощинец

*«Цивилизация – это антипод культуры»
(Освальд Шпенглер, «Закат Европы»)*

© Виктор Гусев-Рощинец, 2018

ISBN 978-5-4485-5930-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Аглая

Максим Шербан освободился из заключения в январе 2014 года. В свои годы он был еще крепок, силен, по-мужски красив и даже образован, – по нынешним временам в избытке, потому как познания его для жизни плохо годились. На воле он заведовал центральной библиотекой Канавинского района в Нижнем Новгороде. Однажды, будучи в состоянии небольшого подпития он оказал сопротивление полиции, был осужден на два года исправительно-трудовых работ и сослан в колонию-поселение на севере Вологодской области.

Вскоре после того как Шербан осел в вологодских лесах, жена его подала на развод, он не имел ничего против и не стал чинить препятствий, детей у них не было, семейная жизнь, как нередко случается, «выдохлась», а лучше сказать «задохнулась» в быту, где кроме горячо им любимой библиотеки и дачного домика на берегу Оки, он почитал приятным проводить время в «пивном ресторане», благо тот лежал на пути от дома к месту работы. Именно там и случилась беда, повлекшая за собой столь неприятные последствия.

Лагерное начальство Шербана «заметило», вскоре по прибытии он снова был назначен заведующим – теперь «колониальной» библиотекой и продолжал «нести свет в массы». К своему удивлению обнаружил, что «массы» читали здесь много больше, чем на воле. Сказывался избыток свободного времени и недостаток «зеленого змия».

Он понимал, что если вернется в свой края, все пойдет по-старому. Где жить? Где работать? Пьянил воздух свободы. И он решил податься в Крым. Сказал остающимся друзьям – *«Из Вологды в Керчь»*. Как некогда (он усмехнулся в душе) отправился в поисках лучшей доли провинциальный актер Аркадий Счастливец. Шербан был испорчен литературой.

Путь пролегал через Москву. Здесь была зацепка – адресок старого друга-однокашника по Библиотечному еще институту. Шербан без труда нашел знакомый дом в Марьиной Роще, недалеко от станции метро, зашел во двор, и тут странная робость овладела им – будут ли рады в семье, как-никак лагерник, бывший зек.

Он присел возле спортплощадки на скамью под пластиковым пологом от дождя, достал из рюкзака банку пива. Смеркалось. И было решил уже не заходя ехать на Киевский вокзал, как забежал и плюхнулся рядом на лавку мужчина, показалось Шербану постарше, но тоже крепок и прилично одет.

Разговорились. Появилась на свет вторая бутылка пива. Неведомо как незнакомец распознал в Шербане «освобожденца». Оказалось, и сам два раза уже мотал срок, сначала пять, потом восемь лет. За что? Из Ташкента фуры перегонял с товаром, а в запасах и всех возможных машинных недрах – наркоту. Рассказывал смачно, с подробностями. – Завязал? – спросил Шербан. Незнакомец то ли утвердительно, то ли сокрушительно качнул головой. Потом сказал: «Сейчас лафа, поезд Москва-Пекин-Москва». – А как же? – было заикнулся Шербан. Незнакомец усмехнулся: «Понятно, да? Денежки. Они все решают. Абсолютно надежно».

На этом их беседу прервали. Незнакомцу позвонили по сотовому телефону. Он долго слушал, потом сказал: «Аглая, не суетись. Все будет хорошо. Успокойся». Убрал телефон и обратился к Шербану: «Дорогой, спасибо за угощение, но тебе лучше уйти. Ко мне тут сейчас ребятки придут, поговорить надо».

Шербан не заставил себя уговаривать. Он вышел из-под полога и перебрался на детскую площадку. Сел неподалеку, где потемнее. Казалось, какая-то неведомая опасность стучится в тусклом свете дворовых фонарей. Не прошло и пяти минут, как из проулка меж двух домов появилась группа молодых людей и проследовала на спортплощадку, где оставался сидеть незнакомец с такой теперь уже понятной судьбой. Их было пятеро. Что-то там происходило похожее на борьбу, потом раздался сдавленный крик, и все стихло. Так же как и пришли, молодые люди медленно удалились. Незнакомец оставался сидеть, за полупрозрачным пологом

виден был абрис его тела. Шербан ждал когда тот окажет признаки жизни, но силуэт оставался недвижим. Стемнело. Шербан колебался. Уйти? Не таков он был. Уже поняв, что произошло, он поднялся и быстро прошел на спортплощадку. К счастью, двор был пуст. Незнакомец сидел, привалившись мертвой головой к пластиковой стенке, глаза его были открыты, а из надключичной впадины в распах ворота торчал нож, по самую рукоятку утопленный в мертвую уже плоть.

Шербан присел рядом. Увиденное вряд ли могло потрясти его. Не раз уже ставила его жизнь перед чем-то подобным. Он понимал одно – надо что-то делать. Протянул руку и достал из кармана убитого телефон. Последний звонок? – он нажал на кнопку соединения. «Аглая?». Шербан с удивлением почувствовал, что у него дрожит рука. Он давно не слышал женского голоса так близко и так соблазнительно обволакивающего музыкальными обертонами совсем по сути простые фразы. Разговор был коротким. Она прибежала через несколько минут, очевидно, притон был где-то рядом.

Она поразила его – не столько внешностью, сколь тигриной повадкой, была похожа на черную пантеру, бесшумно скользнувшую под навес и застывшую над ним в охотничьей стойке. С минуту молча смотрела в мертвые глаза, потом обратила взгляд на Шербана. «Кто ты?». Он замялся. «Я случайно здесь». Она испытующе смотрела на него черными горящими глазами. Пряди черных волос обрамляли восковое лицо, будто выточенное из мрамора искусным резцом. «Пойдем со мной». «А как же...?» «Быстро!»

Она взяла его за руку и потянула за собой. Они вошли в ближайший подъезд восьмизэтажки, отгородившей двор от улицы, поднялись на лифте. В полутемной прихожей забрали спортивную сумку и чемодан. Вещи были заранее приготовлены, как бывает когда собираются уезжать, и что-то непредвиденное вдруг задерживает. Хорошо если это не смерть, подумал Шербан.

– Как тебя зовут, – спросила Аглая.

Шербан назвал.

– Проводишь меня? Только ни о чем не спрашивай. Забудь о том, что ты видел. Если ты свободен, поедем со мной.

Он был свободен, однако все это было так странно, что ему даже не пришло в голову спросить — *куда?* — он покорно кивнул, взял вещи, и они вышли.

На Киевском вокзале Аглая сдала два теперь уже ненужных билета. С прошлым было покончено. Куда ты хочешь? – спросила. Шербан сказал: «В Керчь», Это, подумал, совпадает с его планами. Они взяли двухместное купе до Киева. Поезд отходил в двенадцать ночи. Он пошел в ресторан, принес бутылку коньяка, бутерброды. Выпили. Сначала за упокой убиенного. Потом со знакомством. Кто он тебе? – спросил Шербан. Никто, сказала Аглая, постоялец. Потом добавила: «Общее дело задумали. Только и всего. Предупреждала – плохо будет. Хотел долги получить».

– Какие долги? – не удержался Шербан

– Завтра скажу. Давай спать.

Когда улеглись, она в темноте протянула руку и позвала к себе.

Они остановились в гостинице «Украина». На Крещатике гомонил Майдан. Когда уже расположились в номере, Аглая подошла к окну и долго смотрела вниз, будто оценивая обстановку на улице. Отойдя, сказала: «Это нам и нужно».

– Что ты имеешь в виду? спросил Шербан, – Я не понимаю. Разве мы не едем в Керчь?

– Нет, мы не едем в Керчь. Мы будем работать здесь.

– Работать?

– Да. Смотри, – она открыла чемодан и достала жестяную коробку. На крышке была изображена конфетная укладка в обрамлении иероглифов. – Понимаешь?

– Нет, – сказал Шербан.

– В этих конфетках запакован килограмм кокаина. Один грамм – двести евро. Международная цена. Посчитай. Двести тысяч евро. Мы миллионеры.

Шербан от этих расчетов совершенно потерялся. Миллионеры? Да, но как...? Продать же надо!

Они вышли на Майдан рано утром. Только еще светало, и было сравнительно тихо. Кашевары трудились у котлов. Катапультисты отдыхали. Отдельные группки хлопотали над «коктейлями Молотова». «Беркут» стоял двумя черными стенками, вырезав на Крещатике пятисотметровое поле буйствующей анархии. Шербан был неробкого десятка до зоны еще. Ладно сложен и крепко сшит, мог сойти за своего. Единог центра не было, казалось, все сами по себе. Аглая было спокойна. Одного из кашеваров спросила: где самый главный начальник? Тот махнул рукой в сторону гостиницы «Украина». Кто? – спросила Аглая. Комендант Майдана, сказал кашевар. В гостинице? – спросила Аглая. Кашевар согласно кивнул. Идем обратно, сказала Аглая.

Они вернулись в гостиницу. Аглая подошла к конторке и спросила: в каких апартаментах комендант Майдана? Ей назвали номер. Они поднялись на третий этаж и тут же наткнулись на дюжих охранников. Комендант занимал весь этаж. По личному вопросу? Их бегло ощупали на предмет оружия и пропустили.

Это оказался маленький невзрачный человечек с глазами умалишенного. Сделку заключили быстро. Он берет всю партию оптом. Для поднятия революционного духа все средства хороши. В топку надо подбрасывать горючего. Демократия требует жертв. Украина таки прорубит себе окно в Европу.

На столе появилась бутылка коньяка. Аглая достала из сумочки конфетку – подарок. Комендант вежливо поблагодарил. Выпили – за успех Великой Украинской Революции. Шербан принес коробку. Это первая партия, сказала Аглая. Если уважаемый комендант пожелает, поставки будут следовать в соответствии с заказами. Еще немного светской беседы, обмен «позывными», и они ушли. В сумочке у Аглаи остался лежать чек в Национальный банк Украины, подписанный неким Д. Брайденом, и «охранная грамота» – пропуск на бланке СБУ Украины.

Нас убьют, сказал Шербан, мы даже не успеем дойти до банка. Аглая усмехнулась. «Не думаю. Деньги-то чужие. Ты видел его глаза? Это фанатик. Фанатики – люди действия. Они убивают – но только за идею. Не из-за денег. Вспомни Французскую Революцию. Тоже ведь „великая“. И наша Октябрьская – не лучше. Но главное – он будет ждать следующего заказа. Демократия ненасытна».

Они благополучно получили деньги и отправились в Крым. Вскоре в Ялте открылся небольшой отель с поэтическим названием «Аглая».

Едва Крым отринул ненавистное бандеровское иго, я поспешил припасть к его многострадальной груди. Мне не терпелось пробудить впечатления, питавшие мою «севастопольскую страду» – моего «Шпиона неизвестной родины». Вновь увидеть Ялту, город моей мечты! Я воспел его безымянным в «Железных зёрнах».

Я шел по ялтинской набережной, удаляясь от Морского порта. Вспоминал. Передо мной вставали годы – пятьдесят пятый, пятьдесят шестой, годы моей студенческой юности, окрашенные в тона беззаботного веселья. Тирания пала, прогнулся «железный занавес», повеяло теплотой. Все говорили по-русски, но все вывески были на украинском. Казалось, это не предвещает ничего плохого. Нам не дано заглянуть на полвека вперед.

В порт вошла туристическая «Бретань». Мы танцевали на причале «буги-вуги» с милыми француженками под звуки джаза. Музыканты в шутовских одеждах восседали на самодельных подмостках.

Я искал пристанища. В дальнем конце набережной я увидел небольшую двухэтажную гостиницу. На фронтоне прочел: «Аглая». Я вошел. Навстречу мне из-за конторки вышел коренастый мужчина лет пятидесяти. Представился – Максим Шербан, администратор. Мы обменялись рукопожатием. Меня поразило будто вырубленное из камня его лицо. Я подумал – господи, вылитый Жан Габен! Он проводил меня в номер..

Нередко случается так, что люди с первого взгляда проникаются взаимным доверием. Мы подружились. Тогда он и рассказал мне эту удивительную историю

2. Ариец

Выступая перед выпускниками Арийской военной академии, он был необычайно эффектен. Можно даже сказать – красив. Светлый загар оттенял копну вьющихся волос цвета воронёной стали, едва тронутых благородной сединой. Мимолётная улыбка, время от времени скользившая по его лицу, обнажала ряд ослепительно белых зубов, казалось, ещё не тронутых дантистом и, без сомнения, несомых сильными челюстями. Они свидетельствовали о твёрдом характере и сильной воле. Большие выразительные глаза метали чёрные молнии. Он говорил об избранности нации, которую волей Бога ему довелось возглавить, чтобы нести миру плоды арийской демократии и новых доселе невиданных ценностей. Пожалуй, единственное, что несколько нарушало гармонию его безусловного ораторского искусства, была странная манера крутить головой, но ведь никто не знал, что это обыкновенный тик, от которого страдал он с детства, но так и не мог избавиться на протяжении всех сорока пяти лет своей бурной жизни. Взгляд направо. Взгляд налево. Взгляд направо. Взгляд налево. «Не верти головой!» Этот постоянный призыв школьных учителей до сих пор звучал в его ушах, но даже призванные психологи были бессильны справиться с этим загадочным недугом. Он не мог долго задерживать взгляд на одном предмете. Это было частой темой кулуарных шуток, которые доходили до его ушей, приводя в бешенство и воистину становясь причиной удивительных политических шагов.

Сегодня он с утра был не в духе. За завтраком Гвельда вернулась к недавнему инциденту, ставшему причиной маленького общественного скандала. Вездесущие папарацци со своими ядовитыми телекамерами заметили, как он кокетничал с молоденькой секретаршей, на какое-то время, казалось, совершенно забыв о жене, сидящей одесную. Сбежал налево, шутили недруги. Ладно бы какая корпоративная вечеринка, а то ведь на глазах всего мира, и где! – на торжествах, посвященных их победе в той давней Великой войне.

После завтрака, уже будучи в раздражении он поднялся в круглый кабинет и приступил к исполнению государственных обязанностей. Он не любил свой кабинет. Всякий раз, входя сюда, он ощущал лёгкое головокружение и задавал себе один и тот же вопрос, суть которого сводилась примерно к следующему: какому идиоту пришла в голову эта сумасбродная идея – сделать кабинет руководителя великой страны круглым как детская карусель. Впрочем, недавно он, кажется, нашёл ответ. Четыре французских окна, выходящие на четыре стороны света, символизировали устремлённость его великодержавной политики. Письменный стол и кресло, установленные на специальной платформе в центре этого в сущности небольшого помещения, поворачивались одним нажатием кнопки туда, куда в данный момент направлялась его политическая мысль и негибкая воля. Сегодня они предполагались быть направлены на Восток.

Он уселся в кресло и повернул свой «государственный корабль» навстречу восходящему солнцу. Штору при этом пришлось задёрнуть, чтобы не слепило глаза.

Уже много дней он был одержим одной новой, впрочем не очень оригинальной идеей. Он, конечно, понимал, что у него были предшественники, но ведь ни одному из них не удалось воплотить в жизнь это великое предприятие – покорить, подчинить себе Восточную деспотию, которая не однажды уже разрушенная, снова возродилась из пепла и угрожает миру. Он понимал, что задача эта представляет собой крепкий орешек, но тем почётнее, тем слаще будет победа. Диктатор должен быть свергнут, остальное довершит демократия, возглавляемая «пятой колонной». Метод проверенный. Пусть и не он изобрёл его, но ведь главное – мастерство исполнителя, а тут, он это хорошо знал, ему не будет равных. Одна заковыка – бездарные у него помощники.

Первым он вызвал Брайдена. С порога встретил его вопросом.

– Послушайте, Джон, ваша операция с кокаином прошла блестяще. Я думаю, что только благодаря ей в этой захолустной Крайне восторжествовала демократия. Умение применять силу – ваша отличительная черта. Я очень ценю её. Но какого чёрта этот пороссячий король, которого мы возвели на престол, миндальничает со своими свиньями? Мы подчинили себе полмира и не можем справиться с горсткой головорезов? Как это понять?

– Сэр, вы очевидно плохо знаете этих свиней, или, как вы изволили сказать – головорезов. Этот восточный народ смел и упрям, и будет стоять до тех пор пока хоть один солдат сможет держать в руках оружие.

– Не верю! Немедленно поезжайте и внушите этому ублюдку, купившему с нашей помощью власть, что для достижения наших целей – я подчёркиваю НАШИХ – все средства хороши!

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Разве не понятно? Я имею в виду все виды оружия. Наземные и воздушные. Бить по площадям. Крупные города должны быть стёрты с лица земли. Огнемёты, фосфор, напалм.

Брайден перебил его.

– Но, сэр... Мирное население...

– О чём вы говорите! Там нет мирного населения! Там одни террористы! А если есть, то это лишние люди!

Он помолчал.

– И вот ещё... Скажите ему, что мы готовы предоставить им нейтронную бомбу. Средней мощности. Калибра «Ланс».

– Но, сэр... Для этого потребуется разрешение парламента.

– Это мои проблемы. Идите и выполняйте.

– Слушаю, сэр.

Брайден идёт к выходной двери. Но его настигает ещё один вопрос.

– Джон, одну минуту.

– Да, сэр.

– Вы знаете, меня всегда интересовали такие вещи... Как там эта любовная парочка? Не разбежались ещё? Ну, там, в этом их так называемом конгрессе... Филин и боксёр.

– Сэр, это не в конгрессе. Вы очевидно имеете в виду столичного голову и премьер-министра.

– Да-да. Вот именно. Конечно.

– Дело в том, сэр, что теперь это не пара, а троица Любовь втроём. Вы очевидно знаете что это такое.

– Безусловно. Кто же третий?

– Вы удивитесь, сэр. Третий – баптист и по совместительству председатель конгресса!

– Боже мой! Какая варварская страна!

– Вот именно, сэр. Я могу идти?

– Конечно, Джон. Желаю успеха.

Он остался один. Откинулся в кресле. Задумался. Варварская, варварская страна эта Крайна. Зачем она нам? Земля, земля и только земля! Кому сейчас нужен уголь? Затопим шахты, снесём заводы, огородим степь и начнём добывать сланцевый газ. Тогда посмотрим, что запоёт восточный диктатор с его газовой иглой, воткнутой в наш бок.

Он почувствовал усталость. Нервное напряжение всегда сказывалось у него своего рода похмельем. Мысли соскользнули в более приятное русло. Любовь втроём. Эта девчонка кажется не против. Вот если бы уговорить Гвельду. Взгляд его машинально упёрся в перекидной календарь, где на листке 10 августа его рукой было написано «Крайна». Он взял карандаш, зачеркнул имя презренной страны и перевернул страницу. Пора было обратиться к делам на юге. Там полыхнул очередной пожар. Он требовал неотложного вмешательства.

Ариец нажал кнопку и его «государственный корабль» плавно развернулся в направлении южного окна. Проклятое солнце! Оно уже успело перебраться сюда. И снова пришлось задёрнуть штору.

3. Хунта

Богоотступник

*«Не убий, не укради, не
прелобосотвори».*
(Иисус Христос)

Он не мог простить своим покойным родителям упорство, с каким они внушали ему едва ли не с младенчества веру в бога. Унылые библейские тексты, которыми питалось его детство, сузили его кругозор до размеров монашеской кельи, где не было места выбору – его обрекли на карьеру священнослужителя, отдав по достижении семи лет в церковно-приходскую школу Киевско-печерской лавры. Годы учения он вспоминал с отвращением и страхом. Пробуждающаяся чувственность страшила своей греховностью, а естественные отправления тела становились знаками преступных действий. Грех рукоблудия грозил неизбежностью божьей кары.

Известно, что образ жизни, привычки, среда складывают характер. А характер – это судьба. Ступени, приведшие его к карьере баптистского проповедника, скрыты во тьме. Можно только предположить, что ненависть к богу, заставила его искать окольные тропы христианства, приведшие в эту раскольничью секту.

Пути господни неисповедимы. Конфликт с богом, уходящий корнями в детство, разрешился таким странным образом. В возрасте пятидесяти лет он снял с себя сан и посредством манипуляций с церковным имуществом оказался в Парламенте.

После переворота он стал самым одиозным спикером в истории парламентаризма. Законодательный орган несчастной страны стал филиалом арийского посольства, – «баптистерий» – так окрестили его злые языки. Как известно, баптистерий – это некое место в протестантских храмах для крещения взрослых людей. В Парламенте крестили посредством человеконенавистнической пропаганды – он плодил нацистские законы. Одним из первых стал «закон об антитеррористической операции». Народ, заявивший о своём праве на самоопределение, был объявлен террористом. Против него по приказу самозванного «спикера» была брошена регулярная армия.

Его пухлые губки заставляли думать о капризном ребёнке, угнездившемся в этом мешковатом теле продавца сладостей. Он часто впадал в ярость, и если ему пытались возражать, кричал на своего оппонента, стучал по столешнице изнеженной ладошкой, и из его сладкого ротика сыпались проклятия и обвинения неугодного ему во всех смертных грехах. «Брэхун! Брэхун!» От брэхуна слышу – кто-то бросил ему и тотчас был и тотчас вышвырнут из законодательного собрания фашиствующими молодчиками, как истёртая половая тряпка. А потом он обрушил армию на непокорных соотечественников и приказал расстреливать из всех видов оружия города и деревни собственной страны. Очевидно, счёл это божеским делом. Баптистерий встретил это решение аплодисментами.

Безумец

Его воинственный пыл, которым он приводил в восхищение националистов, заполонивших упомянутый «баптистерий», странным образом не соответствовал его внешности. Долговязый хлюпик, он скорее напоминал филина, чем ястреба, каковым оказывался на трибуне. Он ухал, как филин, сверля аудиторию гигантскими линзами своих очков, брызгал слюной, размахивал тоненькими ручками, и главное, что было смыслом его зажигательных речей – это отгородиться на восточной границе от ненавистного соседа глубоким рвом и денонсировать унию Богдана Хмельницкого о воссоединении с этим самым соседом. Безумец, в его яйцеобразную головку не могла просочиться мысль о невозможности ни того, ни другого. Для танков нет непреодолимых препятствий, а «уния» была с другой страной, которая к тому же умерла.

Он с детства отставал в развитии, был худ и слаб по сравнению со своими ровесниками и даже не пытался в отличие от других заняться каким-либо видом спорта, чтобы преодолеть, или хотя бы сгладить свою физическую немощь. Возможно, она, эта немощь служила препятствием для интенсивной учёбы, ибо он часто болел, месяцами пролеживая в постели с простудой или гриппом, не имея сил даже читать. Однако было в нём нечто необыкновенное – удивительная способность к устному счёту. Он легко перемножал в уме многозначные числа, извлекал корни, возводил в степень, вычислял логарифмы и много чего ещё умел, стяжав тем в узком кругу друзей репутацию гения.

По окончании школы он не нашёл ничего лучшего как поступить на юридический факультет. Юристом быть конечно не зазорно. Однако юристом де-факто он никогда не был, а начал свою трудовую деятельность на поприще торговли – торговал автомобилями. Этот период его жизни тёмен, однако сам он отзывался о нём весьма тепло, утверждая, что нигде не смог бы приобрести столь жизненного опыта, как в этой благородной сфере. При этом добавлял, – впрочем, не без оснований, что именно торговля породила мировую цивилизацию.

По поводу цивилизации он не ошибался. Но ведь известно, какая в то время была в тех краях торговля, то бишь «цивилизация». Сплошной рэкёт и разбой. И если бы не было, как говорят, «крыши» над головой новоявленного бизнесмена, то лежать бы ему уже на погосте.

«Крыша» явилась ему незамедлительно в лице двух братьев-боксёров и возглавляемой ими организованной преступной группировки. Юрисдикцией тут и не пахло, а воняло чем-то тухлым, наподобие элементарного мазохизма. Опыт, конечно, незавидный.

Однако прошло время, и, очевидно, «первоначальные накопления оказались достаточно велики, для того чтобы после переворота занять всей это компании место в правительстве несчастной страны. Как только это произошло, он возгласил «баптистерию» о необходимости, во-первых, обзавестись ядерным оружием «сдерживания» и, во вторых, запустить процесс люстрации чиновного люда, – развязать «охоту на ведьм». Впрочем «баптистерию» не столько удивили сами эти проекты, сколь та лёгкость, с какой он быстро выполнил в уме таинственные расчёты, и объявил число обречённых им на изгнание из страны по причине нелояльности. Это число составило один миллион, триста пятьдесят три тысячи сто двадцать четыре человека. Вот где проявился его подлинный гений. Многих из присутствующих законодателей он заставил поёжиться и втянуть голову в плечи.

Боксёр

Один из его противников на ринге сказал о нём перед боем в раздевалке, где, казалось, не было подозрительных ушей. Он сказал: «Из этого куска мяса можно сделать хорошую отбивную». Как это часто случается, неуважительные эпитеты окольными тропами достигли ушей адресата.

Кто имел какое-либо отношение к боксу знает, что есть запрещённые удары, которые могут привести к летальному исходу. И такое на ринге не редкость. Непреднамеренных убийц штрафуют, часто дисквалифицируют. Но что случается, то случается.

Наш герой начинал свою спортивную карьеру в лихие девяностые. Рождённый в киргизских горах, он сызмальства, в подпасах, помогал перегонять табуны с одного пастбища на другое и сам был похож на жеребёнка, обещая стать первоклассным породистым конём.

Он и стал им, когда волей судьбы оказался на родине предков. Придя в девятый класс одной из столичных школ, он оказался в поле зрения тренера по боксу, работавшего там по совместительству с основной должностью в обществе «Динамо». Выдающиеся физические данные школьника поразили наставника. Он увидел в нём будущего чемпиона мира. Он начал тренировать мальчишку и по прошествии времени убедился в своей правоте.

Но прежде случилось так, что молодой боксёр неожиданно обрёл покровителя в лице некоего криминального авторитета по кличке «Сардинка». Тот был создателем и главарём банды, промышлявшей рэкетом и обыкновенными грабежами под видом приватизации плохо охраняемой собственности. Сардинке нужен был киллер, чтобы приводить в исполнение приговоры несговорчивым бизнесменам-неофитам. Однажды увидев нашего героя на ринге, он определил намётанным глазом – убьёт одним ударом. После боя зашёл в раздевалку, они познакомились. «Сынок, – сказал Сардинка, – ты мне нравишься. Хочешь у меня поработать?» «Отчего нет?» – насторожился юноша. – «Тогда приходи завтра, поговорим». И Сардинка протянул ему визитную карточку с адресом и телефоном.

Будущий чемпион мира по кикбоксингу не заставил себя ждать. На следующий день он явился к новому патрону и выразил категорическое согласие – готов к любой работе. События развивались не то чтобы стремительно, но вполне логично. Первое задание, полученное новым сотрудником ОПГ, состояло в том чтобы «убрать без крови» некоего владельца ночного клуба, который приглянулся Сардинке как источник несомненного дохода, основанного на едва ли не открытой продаже наркотиков его посетителям.

Новоявленный «браток» блестяще справился с этой первой поставленной перед ним задачей. На следующий день после заключённого договора с работодателем он заявился по названному адресу, легко обезвредил охрану и прошёл прямо в кабинет администратора, который как было известно и являлся владельцем клуба. Ему было сделано «предложение, от которого тот не мог отказаться». И вскоре заведение перешло в руки нового владельца в лице Сардинки посредством оформленной по закону «купчей»

Ещё несколько подобных дел – и в знак благодарности, но и с дальним прицелом Сардинка отвёз подающего надежды кулачного бойца в Америку и отдал в обучение знаменитому Кингу. И тот сделал из него настоящую «курицу, несущую золотые яйца». Вскоре туда же был отправлен и курицын брат-близнец, менее способный боец, но зато более успешный делец.

Шло время, множились победы, чемпионские титулы, и «золотые яйца», тяжелившие карманы братьев, стали всё меньше доставаться их общему патрону Сардинке, а по возвращении бойцов в родные пенаты и сам патрон внезапно отправился на погост, якобы в результате падения на скользком тротуаре, повлекшим за собой перелом основания черепа.

Здесь стоит вернуться к упомянутому эпизоду с «хорошей отбивной». В ближайшем бою автора тех нелестных эпитетов унесли с ринга с очень похожей смертельной травмой. Это событие стало последней каплей, побудившей братьев бежать на родину.

Став теперь здесь во главе банды, они занялись привычным делом – «крышеванием» и снова стали обирать нуворишей-капиталистов. Один из них в результате правительственного переворота взлетел на вершину власти и в знак то ли благодарности, то ли отмщения способствовал проникновению нашего героя в «Баптистерий», а вскоре продвинул его пост столичного градоначальника. Но это уже другая история.

Минотавр

В обычной жизни он не походил на чудовище. Если не считать глаз, всегда затянутых таинственной поволокой, сквозь которую не пробивался взгляд, точнее, не освещал лица каким-либо выражением. Про такие глаза говорят – мёртвые. Или, в лучшем случае – пустые. Но во всём остальном – человек как человек. И на женский взгляд, возможно, даже красивый мужчина. Высокий рост, низкий лоб, заключённый между кустистыми бровями и жёсткой порослью начинающих сесть волос. Явственные признаки ожирения слегка нарушали стать, но отнюдь не портили общей фактуры.

У него была хорошая наследственность, если понимать её шире, чем просто биологическое начало. Хватка, напор, хитрость, изворотливость, алчность, – эти черты характера, унаследованные от отца вместе с огромным состоянием, воплотились в личности незаурядной, нацеленной единственно на умножение семейного капитала, вложенного в десятки проектов и предприятий на родной земле и за рубежом. Приумножать капиталы мешало только одно – конкуренты. Их было много, и так или иначе от них надо было избавляться. А что может быть лучше средства, чем народный гнев, оседлав который и направив в нужное русло, вовлечь страну в «чёрный передел».

Для этой цели он вступил в преступный стовор с Богоотступником, Безумцем и Боксёром, и при поддержке Баптистерия они свергли законную власть. Ему это дорого обошлось, но вложение оказалось выгодным. Прошло немного времени, и он был избран Президентом.

Президент-минотавр, он не замедлил проявить себя в этой роли, открыто взяв курс на подавление восставших иноязычных окраин своей страны. К тому времени уже изрядно потрёпанная армия, пытавшаяся подавить народное восстание на востоке, утратила едва ли не половину снаряжения и боевой силы. Их перемолотило в боях народное ополчение, которое, как известно со времён Минина и Пожарского, способно на подвиги и не слагает оружия, пока жив хоть один солдат.

И тогда он объявил тотальную мобилизацию, как это сделал ближайший по времени исторический «минотавр», обладавший в отличие нашего героя огненным взглядом, характерными усиками и спадающей на лоб косой чёлкой. Впрочем, при всём несходстве на обоих лицах лежала едва уловимая тень бычьей головы.

Как известно, минотавры питаются человечиною. Натуральный – мифический – не брезговал ничем. К его столу подавали мальчиков, девочек и даже преступников. Иные источники сообщают о преобладании в его трапезе молодых мужчин. Это наводит на мысль о его склонности к педофилии и гомосексуализму. Но это не что иное как версии западных исследователей, не имеющих под собой серьёзных обоснований. Но если мифический Минотавр вкушал человечину отнюдь не фигурально, то для двух упомянутых это была пища «духовная». Как ни странно это звучит. Оба они испытывали наслаждение, отправляя подносимую им «дань» прямиком в огонь. Такое вот своеобразное «духовное родство». В прямом смысле жертвы их пожирались войной. Встав на престол, президент-минотавр возобновил её с новой силой. Теперь его особенно услаждали пожираемые огнём дети ненавистных иноязычных окраин. Теперь он появлялся на трибуне Баптистерия только для того, чтобы требовать всё новых жертв. Он судорожно тряс левым щупальцем (нет, конечно это была человеческая рука, но она так живо напоминала одну из конечностей осьминога, что и весь облик нашего Минотавра как бы претворялся в этого зловещего головоногого моллюска) и всякий раз это явление минотавра-оборотня погружало Баптистерий в пучину страха и склоняло к удовлетворению его ненасытного аппетита. Гражданская война ширилась, увлекая в своё жерло несчастную страну, расколотую усилиями Арийца.

Но Тезей (Пиночет) уже готовился к сражению, оттачивал свой смертоносный меч. Последней каплей, переполнившей чашу его терпения, стало назначение Безумца на пост премьер-министра. Минотавр подписал себе смертный приговор.

4. Великий демократ

Народ балунда, откуда он вёл свою родословную, обитал во внутренней части Анголы, где великие вожди и повелители государства Лунда носили название Маттиамво. Царившие там в давние времена обычаи и порядок смены власти маттиамво были весьма необычными. Он узнал от них от отца, но откуда, из каких анналов извлёк их тот, ему так и не удалось выяснить. Много позже, когда он стал уже известен как великий демократ, попечитель всех мировых демократий вплоть до исламской, – вот тогда ему в руки попала книга, где были описаны эти экзотические обычаи, в юности поразившие его воображение.

Ранняя смерть отца, его собственные увлечения, влюблённости, университетская бурная жизнь, полная неожиданностей и приключений, – разумеется, интеллектуального свойства, – отодвинули проблему едва ли не в подсознание.

Но пришло время, и то что когда-то так волновало, всплыло в памяти, как это часто случается, неким категорическим императивом, заставив предпринять наконец конкретные шаги. И он отправил соответствующий запрос в библиотеку Конгресса, увенчав его большим вопросительным знаком: «Правда ли?».

В один из майских дней 2015 года он по обыкновению поднялся в свой круглый кабинет и к своему удовлетворению нашёл на рабочем столе почтовый конверт. В нём была книга с приложением короткой записки, в которой сообщалось, на какой странице содержится интересующая его информация. Книга называлась «Золотая ветвь». Автор – Джеймс Джордж Фрэзер.

Он отдавал себе отчёт в том, что первоначальным побуждением к действию были недавние события, которые произвели на него ошеломляющее впечатление, сродни тому что пережил он в юности, слушая рассказы отца. Ариец был, в сущности, чувствительным человеком.

События, о которых речь, разворачивались на просторах древнего Междуречья, где набирала мощь недавно родившаяся новая исламская демократия. В порыве к мировому владычеству она прибегала к самым радикальным мерам истребления и порабощения неверных. Прилюдное отрезание голов, утопление в железных клетках, расстрелы из артиллерийских орудий «автомобильных гробов» с людьми в красных балахонах.

Он не мог на это смотреть. Но приходилось. Навязчивые зрелища устрашения подстерегали всякий раз как он нажимал на кнопки своих электронных «осведомителей». Можно было подумать, что они прививают ему чувство вины, хотя по большому счёту вина ложилась на тех кто восседал а этом кабинете задолго до него.

Утро вступало в свои права. Он взошёл на платформу, сел к столу и развернулся лицом на восток. Солнце стояло уже высоко. Было десять часов утра. Пробежав по клавишам «интерьерного» пульта, он во мгновение раздвинул штору и открыл одну из створок окна. По его коротко остриженной голове пробежал лёгкий ветерок, насыщенный ароматом жасмина.

Книга лежала перед ним словно мина замедленного действия.

Как часто свойственно нам бессознательно отодвигать от себя нечто такое, что может разрушить наши представления о мире или о самом себе! Мы боимся встречи с неизбежностью.

Взгляд, устремлённый на восток, вернул его мыслями к надоевшей Крайне. Он пододвинул к себе папку с неотложными документами.

Первым был указ о вводе в Крайну ограниченного контингента арианских войск. Конгрессом это было уже одобрено. Он выбрал в письменном наборе самый красивый «паркер», испробовал в черновике со «спецбумагой». Тот был безупречен.

Перед его мысленным взором на секунду мелькнула испитая физиономия его старого друга Чарли Бриджлава. «Убивать русских!, Убивать русских!» – ещё раз прозвучали в его ушах истерические вопли незадачливого вояки. Дорого стоили ему эти слова. Загадочная смерть в Париже... Пожалуй, Чарли был слишком категоричен. Но в принципе...

Прыжок в неизвестное! И через секунду в положенном месте красовалась его размашистая подпись.

Он откинулся на спинку кресла. Руки дрожали, на лбу выступил холодный пот. Надо было снять напряжение. Порция виски. Лёд.

Возвращаться к столу не хотелось. Он подошёл к окну со стаканом в руке. Посмотрел вдаль. На горизонте различил дымы и красную полосу пожарищ. Но нет, ему это только показалось. Горизонт был чист.

Он вернулся к столу. Алкоголь, как у него всегда бывало, вернул ясность мыслей. Впереди была ещё более ответственная работа. Речь шла о подготовке послания Конгрессу в поддержку закона о введении на всей территории Арианы свободы «сексуальных вероисповеданий». Он знал, что в одном из секторов их демократического общества процветает многожёнство. Надо было сделать ещё один шаг в направлении свободы личности и наделить соответствующими правами адептов Содома, Гоморры и Лесбоса.

Он вдруг ощутил, как на его плечи навалился груз государственной ответственности. Что там эта несчастная Крайна с её потешной камарильей во главе с шоколадным пропойцей, от которого во время их последней встречи за версту разило палёнкой. Как говорят русские – «табуретовкой». Он был знаком со многими русскими арийцами и уважал их за умение пить вёдрами не хмелея.

Ему показалось, что лежащий перед ним почтовый конверт шевельнулся, будто в нетерпении открыться своему адресату. Преодолев искушение, Ариец отодвинул его подальше, с глаз долой. Он почувствовал, что обрёл состояние лёгкого опьянения, когда самое время начать творить. Он вспомнил своего любимого писателя Чарли Бука, который никогда не садился за пишущую машинку без банки крепкого пива.

Он придвинул к себе стопку мелованной бумаги и написал первую фразу. «Уважаемые господа! Я призван Богом и Провидением освятить наконец фундаментальное право человека распоряжаться своим телом...»

Он отложил перо. Задумался. Телом? Плохо. Он зачеркнул неудачное место и внёс поправку – «...человечества распоряжаться своими телами и душами». Перечитал и понял, что опять плохо. Надо было добавить.

Ещё порция виски. Лёд. Подумал – хорошо там Джефу Прайту в этой Крайне, где все распоряжаются своими телами как хотят. Да и чужими тоже. Никаких проблем. Одно слово – лаборатория! Мозгляк Прайт будет исследовать процессы адаптации арианского образа жизни в славянской среде! Смех и грех, как говорят русские. Да ещё этот проходимец грузин-губернатор. А здесь даже нельзя завести подругу без согласия жены! Не долее как вчера Гвельда на его робкую просьбу ответила категорическим отказом.

И тут его осенило. Он заведёт друга! В конце концов надо же испытать самому прелести платонической любви, о которой твердит мировая литература на протяжении тысячелетий. И не так опасно. Гвельде даже в голову не придёт.

Ещё одна порция виски. Лёд. Мысли начали путаться. И он решил отложить сочинение на завтра.

Ему показалось, что присланная книга в дальнем углу стола слегка пошевелилась, будто стараясь привлечь его внимание. Он осторожно придвинул её к себе и открыл на указанной странице. Начал читать.

«Один из местных царьков по имени Чалла сообщил участникам португальской экспедиции, каким образом умирает Маттиамво. «Наши Маттиамво, – сказал Чалла, – обычно либо погибают на войне, либо умирают насильственной смертью. Нынешнему Маттиамво предстоит умереть от руки палача, ибо он уже выпросил себе достаточно долгую жизнь. После вынесения Маттиамво смертного приговора, мы обычно приглашаем его принять участие в войне с врагами и по такому случаю сопровождаем вместе с семьёй на войну. Если он остаётся цел и невре-

дим, мы вновь вступаем в войну и сражаемся три или четыре дня подряд. После этого мы неожиданно оставляем Маттиамво с семьёй на произвол судьбы. Покинутый владыка приказывает воздвигнуть для себя трон, и, сев на него, собирает вокруг себя членов своей семьи. Он отдаёт матери приказ приблизиться, и она становится перед ним на колени. Он отрубает голову сначала ей, потом поочередно сыновьям, жёнам и родственникам, а в заключение своей любимой жене по имени Анакулло. По окончании казни Маттиамво в пышном одеянии ожидает собственной смерти, которая незамедлительно следует от руки должностного лица, посланного соседями, могущественными вождями Каниквинга и Каника. Этот человек сначала перерубает ноги и руки Маттиамво во всех суставах, а потом отрубает ему голову. По совершении казни обезглавливают самого палача. Все вожди удаляются из лагеря, чтобы не присутствовать при казни Маттиамво. В мои обязанности входит присутствовать при казни и заметить место, в котором два великих вождя спрячут останки Маттиамво. Эти вожди входят во владение всей собственности казнённого монарха и его семьи и забирают её с собой. Тогда я приступаю к погребению изуродованных останков Маттиамво и возвращаюсь в столицу для того чтобы провозгласить начало нового правления. После этого я возвращаюсь на место захоронения останков монарха, за сорок рабов выкупаю их вместе со всей собственностью покойного и передаю всё это вновь провозглашённому Маттиамво. Такой смертью уже умерли многие Маттиамво, не избегнет ей и нынешний».

Дальше следовали описания других подобных обычаев смены власти на африканских просторах. Все они сводились к умерщвлению правящих кланов.

Ариец закрыл книгу. Задумался. По меньшей мере, он был удовлетворён тем, что докопался до истины. Обычаи, подумал, конечно изменились, но меньше, чем нас изменило время. Недаром отец предостерегал его от стремления приблизиться к власти. Он не внял его совету, и понял, что совершил ошибку.

Ночью ему приснилось, что над ним занесён топор. Он проснулся в ужасе и до утра не мог уснуть.

5. Наказание неотвратимо

Пилот

В тот памятный день, когда он вернулся на базу, принимавшая его команда обслуживания была немало удивлена поведением пилота. После приземления он уснул в кабине, и его пришлось вытаскивать, как говорят, на свет божий всем составом, потому как разбудить было совершеннейшим образом невозможно.

Известно, что в минуты смертельной опасности часто случается так, что человек «сбегает в сон». Может заснуть под обстрелом, под бомбами. Очнувшись, может не помнить что до того с ним происходило. В психологии это называется «шоковая амнезия». Память может вернуться, однако утаив то, чему обязана была своим бегством. Этакое таинственное устройство психики, заслоняющее от нас зрелище ада.

Он проспал без малого сутки в лётной медсанчасти, куда его доставили и уложили на кровать в приёмном покое прямо в лётном комбинезоне. Врач постоял над ним, измерил пульс, приложив ладонь ко лбу, оценил температуру тела. Всё было в норме. Оставалось только ждать пробуждения. Но трудно было поручиться, что это не тот сон, который именуется летаргическим. Впрочем, ведь и он остаётся в медицине довольно загадкой.

Когда встала проблема естественных отправлений, лётчика всё же пришлось раздеть и перевести в палату реанимации городской больницы со всеми её необходимыми приспособлениями.

Ещё через сутки он ненадолго очнулся и попросил пить. Ему дали стакан красного вина пополам с водой. Он выпил и снова уснул.

Он проспал без малого месяц – однако уже с искусственным кормлением. На исходе его, когда полная луна заглянула в окно палаты, он открыл глаза, встал, набросил приготовленный у постели халат и пошёл в туалет. Дорогу хорошо знал, потому как приходилось бывать тут и раньше. С удивлением обнаружил на себе памперс, стянул и выбросил в мусорный бак. Вернувшись в палату, вызвал дежурную сестру.

– Что произошло? Где моя одежда?

– Она здесь, – сестра вынула из шкафчика лётный комбинезон и положила на постель. – Но вас должен осмотреть врач. Он вам всё объяснит. Я принесу вам кофе.

– Спасибо. – Он закрыл глаза и постарался восстановить в памяти факты своей биографии. Как его зовут? Отец? Мать? Где родился? Учился?

Нет, он ничего о себе не знал. Кто он такой? Его охватил страх.

Сестра принесла кофе. Он сел на кровати, набросив на плечи одеяло. Стал пить маленькими глотками.

– Присядь, – он слегка подвинулся, освобождая ей место.

Она села.

– Скажи, пожалуйста – как меня зовут.

Она ответила. Он подумал – надо запомнить.

– Как я здесь оказался?

– Вас принесли.

– А это что такое? – он поворошил лежащий рядом комбинезон.

Она сказала: – Лётная форма.

– Я – лётчик? – он недоумённо поднял брови. – Фантастика!

Сестра вышла из палаты. Он лёг на спину, закрыл глаза. Кружилась голова. Он мучительно пытался что-то вспомнить, но ничего кроме каких-то неясных образов не представало перед его мысленным взором.

Приглашённый психотерапевт диагностировал антеградную амнезию и назначил лечение. Он продолжал оставаться в отдельной палате. Время остановилось – теперь он не мог даже сказать сколько уткло его с того дня как он вернулся к нормальному чередованию сна и бодрствования. Он пробовал читать газеты, но это оказалось невозможным – голова наливалась тяжестью, текст расплывался перед глазами, превращаясь в серую дрожащую рябь, похожую на поверхность волнуемой ветром воды. Он выходил на воздух, садился на скамью в небольшом больничном парке и смотрел на небо. Теперь он хорошо помнил две вещи – своё имя и то что он лётчик. И впрямь небо притягивало его взгляд.

Он никого не ждал. Но прошло какое-то время, и в палату вошла молодая женщина, показавшаяся ему знакомой. Она остановилась у двери и назвала его по имени. Имя своё он теперь хорошо помнил, но её вопросительная интонация заставила его на мгновение напрячься, чтобы ещё раз утвердиться в этом знании, перед тем как ответить.

– Да, – он встал и сделал шаг ей навстречу.

– Ты узнаёшь меня?

– Нет. – Он отрицательно покачал головой. – А кто вы такая?

– Я твоя жена. Помнишь, как меня зовут?

Она была предупреждена врачом о состоянии мужа, но то, с чем столкнулась, было выше её понимания. Он не узнавал её. Имя, которое раньше он так любил, прозвучало без отклика с его стороны. Она повернулась и вышла из палаты. Ей сказали – надо ждать, память вернётся. Но когда? Этого никто не знал.

Однако нахлынули другие события, заставившие его действовать. Точнее, вокруг него закрутилось некое действие, о сути которого он не мог судить.

Однажды в палате появился человек в лётной военной форме, свидетельствующей о высоком звании. Его сопровождали двое других чинами ниже. В дверях остался стоять главный врач.

Полковник зачитал приказ о награждении имя рек высшей государственной военной наградой – орденом «Золотая звезда» – и присвоении звания «Героя Крайны». Орден прикрепили ему на грудь, все трое пожали руку и удалились, оставив его в полном недоумении. Он хотел спросить – за что? за какие заслуги? – но вовремя удержался. С одной стороны понимал, что это будет выглядеть глупо. Кроме того, мелькнула мысль – не поможет ли это ему вспомнить что-то важное из канувшего в небытие. Одним словом он проявил осторожность и даже некоторую расчётливость. Впрочем, последняя была отнюдь не чужда его характеру. Однако же был, конечно, заинтригован и теперь стал ждать дальнейшего развития событий с целью извлечь из них для себя некие блага,

Вскоре они последовали. Командование части прислало ему новую форму, надев которую, он обнаружил себя повышенным в звании. Это было бы вдвойне приятно, если ему – как военному лётчику (а он это крепко запомнил) – рассказали о его подвиге. Не зря же это слово – подвиг – он отчётливо слышал произнесенным в день вручения ордена.

Дальнейшие события раскручивались с быстротой освобождённой стальной пружины и даже стали выглядеть в его глазах угрожающими ввиду полной необъяснимости. Теперь он ощутил себя в дурном сне. От него хотелось сбежать, но как это и бывает во сне, он не мог самостоятельно сдвинуться с места. Его несла какая-то неведомая сила.

Он целый день гулял по парку в новой форме. Вечером прямо в ней прилёг на кровать, да так и уснул.

Утром он проснулся от того, что ощутил на своём лбу чьё-то прикосновение. Он открыл глаза. Над ним стояла та женщина, что назвалась недавно его женой. Теперь он ничему уже

не удивлялся. Жена так жена. Впрочем, кого-то она ему напоминала, и он подумал, что не станет отказываться от её услуг, какими бы ни были они предложены. К его удивлению, прошедшая ночь одарила его эротическим сновидением. Такого давно с ним не случалось.

Женщина попросила его встать. Он послушно встал и последовал за ней. У больничных ворот стоял роскошный легковой автомобиль с затемнёнными стёклами. Вышедший навстречу водитель распахнул перед ними дверцу, они сели в машину.

Ему показалось, что дорога заняла не более получаса. Хотя он не мог бы за это поручиться, потому что время теперь было не очень надёжным. Иногда он просто выпадал из него.

Местом назначения их поездки оказался аэропорт. Весь их багаж состоял из двух дорожных сумок. Они быстро прошли паспортный контроль и проследовали в зал ожидания для вип-персон.

Едва они вошли, от небольшой группы присутствующих здесь отделился человек в штатском и, подойдя к жене, о чём-то осведомился у неё. Она согласно кивнула.

Этот человек тоже очень сильно напоминал ему кого-то. Они обменялись рукопожатием, и человек что-то сказал при этом, но он не расслышал. Его слух был теперь так же ненадёжен, как и память. Вскоре объявили посадку и все прошли в пустой салон «боинга». Когда они нашли свои места и наконец сели, он спросил женщину (жену?):

– Вы что-нибудь понимаете?

– Тебе пожал руку наш президент. Мы летим в Ариану.

– Зачем?

– Тебя хотят представить там как героя Крайны. Как борца за нашу свободу.

– А кто эти люди? – Он кивком обозначил встретившую их группу сопровождения.

– Всего лишь охрана, – сказала она.

Столица Арианы встретила их морем огней. Их препроводили в отель и оставили одних. Назавтра должен был состояться приём у Главного Арийца. Его будут просить о помощи, – объяснила женщина. Впрочем, всё это было ему безразлично. Он плыл по течению. И когда она, раскрыв постель, предложила ему себя, он не отказался от столь дорогой услуги.

Возможно, именно эта ночь, если не само время, что-то вершившее в его сознании, сорвала часть пелены, застилавшей память. Поутру, когда открыл глаза, он увидел склонившуюся над собой жену. Они обнялись.

С этого момента процесс его выздоровления устремился к одной только ему ведомой цели. На приёме в каком-то небольшом круглом кабинете он, к своему удивлению, обнаружил рядом с собой президента своей родной Крайны, хорошо ему знакомого по фотографиям и телепередачам, в которых тот всё время кому-то угрожал. Но подлинным потрясением стало пожатие руки чернокожего Вождя Арианы – Главного Арийца, правителя самой могущественной страны мира. Несмотря на широкую белозубую улыбку, тот показался ему печальным.

Жена сказала позже, что причиной тому, верно, их бедствующая, подвергшаяся агрессии Крайна. К тому же какие-то бандиты сбили там недавно пассажирский самолёт. Ариец обещал помочь оружием и деньгами.

Вот оно! При слове «оружие» перед его глазами вспыхнула и вовсе ослепительная картина. Он ощутил себя в кабине своего истребителя, с которым успел сродниться за то время что осваивал его в учебных полётах. Они были одним телом. Это было восхитительно! Он летел! Он знал, что должен выполнить какой-то приказ. Как он мог забыть! Это был личный приказ президента Крайны! Он взглянул на дисплей радара, там уже возникла цель, которую он должен был поразить. Он забрал её в квадратные скобки. Таков был приказ. В качестве оружия выбрал ракету с тепловым наведением. И нажал кнопку пуска.

Ракета быстро ушла вперёд, он следовал за ней под углом более сорока пяти градусов по отношению к земле. Он перешёл на визуальный поиск, и вскоре выбранная цель возникла

на экране. Это был гражданский пассажирский самолёт. Боинг. Он шёл восточным курсом на высоте не менее девяти тысяч метров

Взрыв не заставил себя ждать. Сверкающая игла разломилась на несколько частей и рухнула вниз, разбрасывая и увлекая за собой какие-то цветные горошины. Это были пассажиры. Люди.

Вся эта картина мгновенно пролетела перед его мысленным взором в тот момент, когда экскурсовод подвёл его с женой к ограждению смотровой площадки на крыше одного из небоскрёбов города.

Он вдруг ощутил непреодолимый порыв к полёту. Он хотел присоединиться к тем, что по воле его должны были обрести сейчас своё последнее прибежище – землю. Он шагнул на парапет ограждения и, раскинув руки, ринулся вниз.

Снайпер

Мальчиком Коля Титаренко любил развлекаться тем, что мастерил рогатки разных размеров и фасонов и с их помощью уничтожал воробьёв как созданий – он считал – абсолютно бесполезных в природе. Доставалось и другим птичкам, залетавшим по неосторожности в их подворье. С годами его охотничий азарт окреп и приобрёл более цивилизованные формы. Отец подарил ему двустволку и обучил основным приёмам с ней обращения. Скоро он выучился бить уток влёт и даже дуплетом.

Прошло время. Николай получил охотничий билет, лицензию, в его арсенале появился карабин. Но охота не стала для него промыслом. Скорей это была игра – ему нравились живые мишени. Для него это был своеобразный тир на природе, где вместо «бегущего оленя» возникали зайцы, лисицы, кабаны и другие обитатели леса. Всё по закону и в своё время. Он не злоупотреблял своими правами. Но его излюбленными соперниками в этой своеобразной игре стали волки. По отношению к ним он не испытывал жалости.

Окончив школу в Межгорье, Николай поступил в киевскую Национальную академию внутренних дел (НАВД) на факультет Права. Его краткая биография, попав на стол приёмной комиссии, сразу обратила на себя внимание академической спортивной общественности, в результате чего он сразу был включён в институтскую команду биатлонистов. Проявив себя как настоящий снайпер, он вскоре был избран её капитаном. Это был сезон 2008—09 годов. В этом же сезоне он одержал 12 побед и установил рекорд по количеству золотых подиумов за один кубковый сезон у мужчин. За что, в частности, получил гражданство Соединённых Штатов Арианы, где проходили соревнования.

К тому времени он уже окончил учёбу и, решив покончить со спортом, занялся бизнесом. Пользуясь статусом резидента, открыл адвокатскую контору в Вильямсбурге, штат Вирджиния. В этом небольшом живописном городке нашла приют довольно многочисленная крайновская диаспора.

Дела его шли неплохо. Но почему-то тянуло на родину. К тому, пора было создавать семью, однако сколько он ни оглядывался вокруг, его глаза не встречали привлекательной матриониальной картины. Русская кровь была здесь чем-то подпорчена, отчего молодые женщины выглядели какими-то бесцветными, безжизненными, да и те были наперечёт. Вскоре он понял, что никому не нужен. Кто был, знает как уныла американская глубинка. На русского человека она нагоняет смертельную тоску, от которой избавиться можно только одним способом – бежать.

И он побежал. Аэропорт имени Джона Кеннеди – Киев-Борисполь, бурлящий Майдан. Это была его стихия! Он вдыхал воздух свободы!

В самолёте он познакомился с молоденькой стюардессой и решил не откладывать дело в долгий ящик. Она была прелесть как хороша! Сразу по прилёту они поехали в гостинцу «Украина» и сняли номер люкс. Оксана была коренной киевлянкой и намеревалась навеститься домой, повидать родителей. Но он не отпустил – когда вышли из салона самолёта и спустились по трапу, он на глазах у изумлённых пассажиров опустился перед ней на колени и попросил руки.

Он был неотразим. Американский бизнесмен! Свой, родной, русский! Для неё все украинцы были русскими. На русском ведь говорили. Она на секунду замялась – и сказала «да»!

Едва они успели расположиться в номере, раздался осторожный стук в дверь. Николай открыл. На пороге стоял маленький невзрачный человечек с голым черепом и глазами умалишённого. Он представился:

– Комендант майдана Семён Подрубий.

Они обменялись рукопожатием. Николай жестом пригласил гостя в комнату, но тот отказался, сославшись на занятость. Помолчали.

– Я знаю кто вы, – сказал новоявленный комендант, – и очень хотел бы поговорить с вами наедине. Нам нужна ваша помощь.

– Помощь? – Николай искренне удивился. – Но чем я могу...

– Это очень деликатный вопрос, – гость помолчал, – я не хотел бы при даме. Вам не трудно подняться ко мне? Это всего лишь этажом выше.

Американский бизнесмен Николай Титаренко был немало удивлён столь настойчивой просьбой. Однако в голосе визитёра звучал металл. И он, уже почувствовав неладное, решил не возражать.

Когда они ушли, Оксана подошла к окну и посмотрела вниз, на площадь, где гудел майдан. Её охватил страх, происхождение которого она вряд ли смогла бы объяснить. Она давно не была в центре Киева, и то что увидела было сверх её понимания. Она позвонила домой. К телефону подошёл отец.

– Ты где? – спросил отец

– Я остановилась в гостинице «Украина». Я выхожу замуж.

– Играете свадьбу? – в его голосе прозвучали нотки сарказма. —А почему без родителей?

– Папа, я всё объясню, – она ощутила ещё большее беспокойство.

– Если хочешь застать нас в живых, немедленно домой.

Отец бросил трубку. Раздались гудки отбоя.

Николай всё не возвращался. Она нервно ходила по комнате. Курила. Отдушина всех стюардесс в мире. Достала маленькую походную фляжку, сделала несколько глотков коньяка. Назревала нештатная ситуация. Это как в полёте, когда вдруг вошли в турбулентность. Или не выпустились шасси. Она всегда была к этому готова. Его телефон был недоступен. Она машинально бросила взгляд на циферблат настенных часов, где высвечивались день и месяц года. Там значилось 17.02.14. Вечер. Она собрала дорожную сумку, заперла номер, отдала ключ портье и поехала домой.

Она вошла в квартиру, отперев своим ключом. Отец собирался на дежурство в ночь. Обнялись. Мать прижала её к груди и долго не отпускала. Мать не любила её работу. Говорила – транспортный молох. Оксана смутно представляла себе этого «молоха», но лишних вопросов не задавала. Главное – есть работа. Это ведь важнее всего. И не всё ли равно как она называется.

Отец ушёл, ни о чём её не расспрашивая. Не было времени. С матерью они проговорили до поздней ночи.

Утром следующего дня отец не возвратился домой как обычно к девяти часам. Мать забеспокоилась, включила телевизор. Передавали новости. И вдруг как гром с ясного неба – людей на майдане начали расстреливать снайперы! Никто не мог понять откуда ведётся огонь. Били как в протестующих, так и в милиционеров. Били по ногам, ближе к вечеру – на поражение. Отец всё не возвращался.

Командир подразделения милиции «Беркута» – он был убит одним из первых выстрелом в голову. Но они ещё не знали об этом.

Оксана пыталась дозвониться Николаю, но тот был недоступен.

Она вернулась в гостиницу. Там его тоже не было.

Часто случается так, что человек узнаёт нечто – сам не зная откуда. Какое-то смутное подозрение стало завладевать ею и постепенно окрепло, превратившись в уверенность. К тому что происходило сейчас на майдане имеет отношение её жених, американский бизнесмен Николай Титаренко. Она ещё не знала о смерти отца, но тень её каким-то таинственным образом уже накрыла её своим чёрным крылом. Она стояла окаменевшая у окна, наблюдая за царящим на площади побоищем. Устав, легла на кровать прямо поверх постели и замерла. Она

ждала. Она потеряла ощущение времени. Знала только, что нельзя опоздать на рейс. И когда он вошёл, она посмотрела на часы. День склонялся к вечеру. Надо было спешить.

Он молча прилёг рядом с ней. Она подумала – если б рядом легла мраморная статуя, то и от неё можно было бы ждать больше тепла.

– Это ты? – спросила она.

Он молчал. Он правильно понял её вопрос: «Это твоих рук дело?»

И наконец заговорил.

– Их было трое. На двенадцатом этаже, в номере с окнами на площадь. Таком же, как наш. Мне дали армейскую винтовку. Тот которого ты видела давал указания. Второй кого-то там высматривал в полевой бинокль. И указывал цель. Рука. Нога. Рука. Нога.

Он помолчал.

– В конце дня он указал мне на милиционера из «Беркута» в чине майора и сказал: «Голова». Я сказал – нет! Тогда третий накинул мне на шею удавку и стал душить.

– Ты застрелил моего отца.

Она встала и начала одеваться.

– Мне пора на рейс. Пойдём, – сказала она.

Он молча повиновался. Она позвонила домой, попрощалась с матерью. Известий об отце ещё не было. Мать обзванивала больницы.

Когда приземлились в Нью-Йорке, Оксана получила известие: «Отец погиб».

Этого она не сказала Николаю. Сказала только: «Прощай». И скрылась в дамском туалете.

Но ведь он успел полюбить её! Успел понять, что только она теперь связывает его с жизнью.

Он не дождался её. Для лётного состава был предусмотрен другой, запасный выход.

Спустя несколько дней Николай Титаренко был найден мёртвым в собственном доме в Вильямсбурге, штат Вирджиния. Он покончил с собой выстрелом в рот из спортивной винтовки. На его столе была найдена предсмертная записка: «Ты была моей первой и последней любовью»,

Полиция не смогла установить адресата этого послания.

6. Игуана – numero uno

Уже известный читателю Д. Брайден, подписавший чек в Нацбанк Крайны в качестве оплаты партии кокаина, был не кем иным как вице-президентом США (Соединённых штатов Арианы). Наркотик предназначался, как мы помним, для побуждения «майдана» к более активным действиям.

Прошло время. Джон Брайден, по его собственным представлениям, в качестве «куратора» Крайны одержал большую политическую победу. Теперь он запросто являлся в Раду, садился на председательское место и «рулил». Пользы от этого было мало, но ему самому прибавляло немало гордости. На родине он, в сущности, был не нужен. Предстоящие выборы не сулили ему ничего кроме бесславной отставки.

Было ещё одно обстоятельство, которое не то чтобы осложнило его жизнь, но некоторым образом изменило её. Это был кокаин, тот самый, немалая доля которого угодила в его собственный карман. Пристрастившись к этому зелью, Джон почувствовал себя намного более значительным, можно даже сказать – счастливым. Исчезла присущая ему с детства неуверенность в себе, часто накатывающий безотчётный страх, но что самое заметное – абсолютно испарилось чувство ответственности. Он, что называется, ощутил себя «охотником за головами».

В своём текасском ранчо он любил вечерами посидеть на открытой веранде перед входом в дом, полюбоваться закатом, поразмышлять. Очередная понюшка будила воображение, и оно, ничем не сдерживаемое, порождало самые неожиданные планы. Например, уничтожить восточную деспотию с помощью инопланетных летающих тарелок. И он таки решил эту проблему! Тарелки – перепрограммировать с помощью кибернетической атаки!

Но в тот вечер, о котором речь, когда родился другой план, катящееся к закату солнце необычайно красиво высветило невдалеке ночной загон, где паслись его лошади. Их было четыре – Пальша, Литува, Латива, Эста. Не удивляйтесь – имена были даны лошадам неспроста. За ними стояли, как это ясно, названия четырёх европульских стран, отжавших от моря ненавистную восточную деспотию. Он сам объездил молодых кобылиц и очень этим гордился. План же состоял в том, чтобы «объездить» этих провинциалок – он даже не почитал их странами – всё с той же целью: уничтожить! уничтожить! уничтожить...! Эта мечта приводила его в экстаз.

На фоне гаснущего заката возникла и стала приближаться человеческая фигура. Это была его жена Изабель, по вечерам она обычно шла в загон проведать лошадок и дать им что-нибудь вкусное, пошептаться на сон грядущий. Когда она приблизилась, он, по обыкновению, отметил про себя – располнела, конечно, но всё ещё хороша. Типичная креолка – змеиная статья. Он было собрался сделать очередную заправку, но она мимоходом выбила у него из пальцев ненавистную ей отраву.

– Хватит!

– Но, Изабель....

– Сейчас принесу.

В это время дня он всегда переходил на виски. Она составляла ему компанию. Она ушла в дом и через минуту явилась с бутылкой первостатейного – как она сказала – зелья. Села рядом.

– Ну расскажи, как ты ещё придумал использовать своих лошадок-провинциалок?

– Так вот. Слушай. Ариана, то есть мы, направляем батальон спецназа в Пальшу. Чтобы этот болтун Эшка Кратер наконец заткнулся. Будто мы ничего не делаем для нашей обороны. Луска я сам обработаю.

– Кто такой?

– Председатель этого ничтожного европульского совета. Бывший премьер. Его дед служил в Вермахте. Они тогда считались немцами. На этом я сыграю.

Они сделали по глотку. Он подумал, что в бутылке было её собственное варево, но ничего сказал. Он слегка боялся своей креолки. Она была его четвёртой женой.

– Кэнду обяжем то же сделать в Эсте. Два батальона! Они всегда уклоняются от своих обязанностей. И этому долговязому недоноску Толстомбергу вставим фитиля, чтоб всё скоординировал как надо.

Они сделали ещё по глотку.

– Слушай, Иза, чего это ты наварила?

– А что?

– Берёт за горло.

– Не нравится – не пей.

– Наоборот! Ты настоящая мастерица! Дай-ка ещё глоток.

Они сделали ещё по глотку прямо из горла бутылки. Ночь сгушалась.

– Продолжаю. В Литуве прикажем навести порядок этой – как её – старой мохнатке Феркель. Три батальона! Может использовать беженцев. Пусть только нарядит подстать задаче.

– Тоже придумал! Да что она может? Даже одеться не умеет. Монах в серых штанах.

– Ничего, путь поработает. Мы ей поможем.

Из темноты выступил один из его молодых ковбоев, ведя под уздцы двух лошадей.

– Госпожа, – обратился он к Изабель, – нам пора.

– В чём дело? – Брайден недоумённо вскинул брови.

– Забыла тебе сказать. Я хочу посмотреть нашу отару на горном пастбище. Думаю, пора её возвратить на равнину.

– Но почему ночью? – Джон не скрывал своего недовольства.

– Дорогой! Такие дела делаются только ночью. Овцы более послушны.

– Ну ладно, дослушай. Лативу отдаём на откуп бритам. Четыре батальона горных стрелков. Недавно их старушка сказала, что надо готовиться к войне. Вот пусть и готовится.

– Гениально! Ты напомнил мне «Омерзительную восьмёрку» этого вашего бездаря Тарантино. Четыре на четыре! Блестяще! Дорогой, ты настоящий стратег.

– Но ты, однако, не патриотка. Кстати это мой любимый фильм.

– А ты забыл, что женат на иностранке? Я гражданка Мексики. С чего это мне быть патриоткой Арианы. А фильм слабый, безвкусный. Разговорная пьеса. Как и твоя. Извини.

Изабель сошла с террасы. Ковбой подержал ей стремя и вскоре они скрылись в темноте.

Джон Брайден некоторое время ещё продолжал обдумывать свой план. «Пьесу» как сказала Изабель. Допил варево из бутылки. В такие ночи, оставаясь один, он любил навестить свою любимую игуану – королеву ящериц. Он встал, потянулся всем телом и отправился к вольеру. По дороге вспомнилась другая «разговорная пьеса». Он уже не помнил её содержания, а только стишок оттуда:

«Был юный гаучо по имени Бруно.

О любви он думал вот так:

Девушки – прелесть, овечки – смак

Но игуана – numero uno»»•

•Первый сорт

7. Полковник

Илюша Стрекалов с детства мечтал стать военным и только военным. Ничего удивительного – это была династия. Дед, штурмовавший Берлин. Отец – военный лётчик. Илюшу, к великой его радости отдали учиться и мужать в Саратовское суворовское училище. Это были лучшие годы его жизни. Так он всё чаще думал, работая в Главном разведывательном управлении Министерства обороны России. Это была рутинка. Кто с ней сталкивался, тот поймёт. Сбор и обработка информации от иностранных резидентов – вот и все дела. От этого клонило в сон.

И когда запыхала Украина, он понял, что пришёл его звёздный час. После недолгих колебаний он подал рапорт по начальству. Суть его сводилась к следующему: он уходит в отставку и как частное лицо отправляется туда, где его знания и опыт могут в полной мере послужить во славу Родины. Перед его внутренним взором стояли герои его детства и юности – Фидель Кастро, Че Гевара и даже один из недавних литературных кумиров – Эрнст Юнгер, который предстал пред ним в «Огненных грозах», а до того в возрасте семнадцати лет сбежал из отчего дома и завербовался в Иностранный легион. Это случилось в начале прошлого века, но ведь все войны одинаковы, новым бывает только оружие.

Министр обороны Донбасса, командующий объединёнными силами ополчения Донецкой и Луганской народных республик полковник Стрекалов склонился над картой военных действий. Ему предстояло принять нелёгкое решение. В отдалении слышалась канонада – обстреливали центральные кварталы Донецка. Машина истребления, возрождённая неонацистами, работала исправно. Он подумал, что в истории войн появилась новая глава – она повествует о тактике, основанной на устрашении мирного населения. Но тут же сам себя и поправил – тактика выжженной земли была излюбленным средством варваров во все времена.

В штабной палатке сгустилась мгла. Он вышел под открытое небо. Вспомнилось из детства – «тиха украинская ночь, прозрачно небо, звёзды блещут, своей дремоты превозмочь не может воздух, чуть трепещут...» Дальше не помнилось. Мысли соскользнули на другое, болезненное. Великий Донбасс, подумал он, вскормил на своей груди ядовитую змею, отравившую Киев. Этому не было объяснений.

Он любил свой родной донецкий край, его холмистую степь, его небо, запах угля и дыма над шахтами и заводами. А больше всего любил людей Донбасса – гордый, непокорённый, золотой народ. Ему хотелось написать об этих людях с той любовью и уважением, каких заслуживал их самоотверженный труд.

Он присел под маскировочным навесом для полевой кухни. Закурил.

Как странно, где истоки, этой трагедии, случившейся на его родине? Покойный дед рассказывал, как они входили в освобождённые города и посёлки Донбасса в сорок третьем году и видели руины, пепелища, разорение. И видели усталых людей, но отчаяния не было на их лицах. Шахты были затоплены, подземный океан бушевал в штреках и лавах. Всё это надо было откачать, восстановить. И советские люди возродили Донбасс в четыре года. Вся страна пришла им на помощь. Донбасс восстал из пепла ещё краше, чем был раньше.

Вот о чём хотел написать Илья Стрекалов и не только об этом.

Не менее героической была его личная «севастопольская страда». Так ему нравилось называть этот период его жизни. Недаром его кумиром был легендарный Фидель, который с горсткой отчаянных храбрецов когда-то высадился на Кубе и освободил родину от ненавистного диктатора.

Подобно Фиделю Илья Стрекалов собрал отряд добровольцев, русских патриотов, готовых отдать жизнь за Россию, и весной 2014 года они переправились на утлой фелюге через Керченский пролив и под покровом ночи ступили на святую землю многострадального Крыма.

А через месяц, когда уже прошёл тот памятный плебисцит во славу независимости от презренной хунты, он сообщил в Кремль – «Крым наш!».

Нет, в отличие от Фиделя им выпала счастливая доля – ограничиться своим «вежливым присутствием». Не было сделано ни одного выстрела. Но пусть никто не думает, что это было просто.

Из темноты выступил человек в камуфляже. Шербан! Как он забыть о назначенной встрече! Право, забывается то, что выдаёт себя нежеланным. Они обнялись.

– Садись, – Стрекалов ладонью обозначил место рядом с собой на доске, служившей столовавшимся здесь бойцам. – Закуривай, – он протянул пришедшему пачку сигарет. – Как добрался?

– До разъезда на своей колымаге. А тут, что ж – рядом, через лесок, дорога знакомая.

Шербан закурил. Помолчали. Под брезентовый навес просочился лунный свет. Первым заговорил Стрекалов.

– Принимай дела.

Командир одного из соединений добровольческой освободительной армии Донбасса Никита Шербан был готов к такому повороту дела. Он знал, что недавняя контузия изводит друга головными болями, не давая возможности целиком отдаваться работе. Теперь, когда в их совместной борьбе наметился решительный перелом, когда армия хунты дрогнула и побежала, министр обороны вправе принять такое решение. Он с честью выполнил обязательства, взятые на себя перед лицом восставшего народа.

– Я тебя понимаю, – сказал Шетбан. – И не осуждаю. И ещё – спасибо за доверие.

– Да ладно тебе. Не первый день знакомы. – Стрекалов положил руку на плечо своего преданного, пусть и недавнего друга.

– Иди, отдохни в моей палатке. Завтра я подготовлю приказ о передаче полномочий. Премьер готов принять мою отставку. От отца нет известий?

– Нет, со Славинском никакой связи. Зато Максимка, брат мой близнец объявился. Отпустили его. Собирается к нам. А сестрёнка с детьми в Ростове.

– Кого предлагаешь на своё место?

– Ивана, шурина моего. Он хоть и в годах, но командир что надо.

Луна убралась за облачный полог. Начало светать. Они курили, молчали. Казалось, за всеми этими словами, призванными расставить по местам насущное, таится что-то ещё – главное, о чём легче вообще не говорить. Молчание прервал Шербан. Он потушил сигарету. Его пальцами сцепленные ладони тяжело повисли меж колен.

– Скажи, Илья, что такое вообще – Украина?

Стрекалов давно ответил себе на этот вопрос. А до него ответили многие другие. Что нация – это постоянно возобновляемое усилие, непрерывный плебисцит всех сущих в ней языков. А если один язык пытается убить другие, – нет нации, а есть только смута и гражданская война.

– Мы узнаем это, – он сделал паузу, – в тот день, когда прогоним хунту и вернём России Киев – мать городов русских. А завтра – на Мариуполь!

Они попрощались. Шербан ушёл в темноту. Полковник Стрекалов вышел из-под навеса и посмотрел на небо. На горизонте мерцала северная звезда. Канонада стихла. Туманилась утренняя роса, холодком пробежала по спине. Он поёжился, встряхнул головой, словно отгоняя тревожные мысли, и направился к штабной палатке.

8. Письмо

Старик писал письмо.

«Здравствуй, дорогой Сидор Артемьевич! Как ты там? Пишет тебе твой бывший ординарец Микола Шербан. Заставила меня взяться за перо большая беда, вновь пришедшая на нашу святую землю. В народе говорят – черный дьявол наслал. А то, что разразилась в России вторая гражданская война. Брат на брата пошел. Ты-то, верно, и первую помнишь, чай воевал ведь под знамёнами Василия Ивановича Чапаева. Но чтобы так – с самолётов бросать бомбы на мирные города и деревни, обстреливать их из артиллерийских орудий – такого ведь не было, правда? Ну, рубились, врукопашную, кто кого. А что бомбить – гибнут только женщины и дети, да старики вроде меня. Мне ведь уже девяносто четыре. Я смерти не боюсь. Но со мной рядом-то – дочь, внучка два правнука-подростка и еще правнучка – три годика. Их-то за что?»

Он отложил перо, задумался. Встал, подошёл к распахнутому настезь окну. В отдалении были слышны разрывы. По окраинам била артиллерия. С высоты пятого этажа погруженная во мрак улица казалась черным провалом. Уже несколько дней в доме не было электричества, не было воды. В комнате бились отсветы недалекого пламени, в соседнем квартале горел дом. Ревом пробороздил небо вертолет и скрылся за верхушками пирамидальных тополей.

В дверь заглянула дочь, позвала к столу. Он отказался. Есть не хотелось. Зачем? Просто лечь и ждать смерти. Какая разница от чего умереть – от голода, от бомбы. Вспомнились чьи-то слова – «просто сиди и жди, и тебя убьют». Кто же это сказал? Ему показалось, что с тех пор как десять лет тому умерла жена, он только и делал что сидел и ждал смерти. А она все не приходила. Ну вот, теперь уже и приблизилась. Вплотную. Старик подумал об этом даже с каким-то странным удовлетворением. Над Славянском сгущалась еще одна смертельна ночь.

Мысль о жене вернула его к действительности. Нет, не к этой – к той, далекой, во сто крат более реальной, чем нынешняя, отдающая кошмарным сном. Вспомнил как познакомились в партизанском отряде, полюбили друг друга, как прошли вместе через всю Украину, от Путивля до Карпат, как сыграли партизанскую свадьбу, одну из многих на этом славном пути, по которому вел их незабвенный Сидор Артемьевич Ковпак. Старик подошел к книжному шкафчику, достал дорогой сердцу томик – «Люди с чистой совестью». Мудрый был командир, подумал старик. Да и что говорить – то была честная война. «Честная?» Мысленно сказав это, он вроде бы споткнулся. А почему нет? Один на один. Мы – они. Кто кого. Ясно кто враг. Его надо изгнать. А что сейчас? За что воюем? И как бы устыдившись этой своей неуверенности, тут же и сказал самому себе: за Россию-матушку. Подумал – Крыму повезло. А мы чем хуже? Чем хуже Новороссия? Страшно сказать черному дьяволу – геть, сгинь нечистая сила? Было же заявлено – «своих не сдаем»! И что? Сдали, все сдали. За тридцать «газовых серебрянников». Странная война, подумал, одна рука воюет, другая торгует. И совсем расстроился, как представил, что и газа в доме не будет.

Шербан пошел на кухню, сел на своё место. Керосиновая лампа еле теплилась, он подвернул фитиль.

– Всё собрали в дорогу? – спросил он.

– Собираются. Завтра в пять выезжаем. Поедем на Должанский, там наши границу открыли. А эти вояки оружие побросали и ушли. Хорошо не попортили. Далеко не уйдут. Головы им открутит еще наше любимое правительство, – Григорий свернул самокрутку, закурил. Неверный свет вырывал из тьмы его лицо со следами недавнего ожога, перебинтованная голова тяжело клонилась над кистями рук, лежащими на столешнице. Шербан любил своего зятя. Шахтерская закваска. В шестьдесят с лишком взять в руки оружие! Не каждый способен.

Галина поставила на стол тарелку с овсяной кашей. Знала, что отец ничего больше не захочет.

– Остыла уже, – она налила полстакана горилки, подала. Это было то, ради чего он и приходил-то к ужину. Снотворное, говорил, и чтоб ноги не мерзли.

– В добрый путь. – Шербан поднял стакан, пригубил, начал есть.

– Что Максим написал? – спросила Галина.

– Освободился сынок. Хочет в Крым податься. По дороге собирается к нам забежать. А что к нам ехать. И как? Мужчин не пускают. И чего ехать под бомбы? Теперь вот еще зажигалки бросают какие-то особенные.

– Фосфорные, – пояснил Григорий. – От них спасу нет. А хунте крышка. Максим к нам собрался – это хорошо, подмога будет.

Взвыла сирена воздушной тревоги. Галина не торопясь убрала со стола и вышла.

– Надо детей в убежище, – сказал Григорий, – пойду. Еще машину заправить.

Шербан остался один. Все знали – не прячется. Сидел, потягивал горилку, думал. Вот уже три дня его правнуки были сироты. Он вернулся в свою комнату и вновь принялся за письмо.

«Вот так-то, дорогой Сидор Артемьевич. Убивает нас собственное правительство. Гриша говорит – хунта. Не наше слово. Шайка бандитов – это точно. Наместники дьявола, фашистские ублюдки. Наследники хорошо нам с тобой знакомого Степки Бандеры, которого мы громили и гнали с нашей земли. А теперь вот они вернулись во власть и хотят нас напугать танками, пушками, бомбами. А того не понимают эти шоколадные марионетки, что всё решается в рукопашном бою. А тут русским нет равных, ты знаешь. Завтра утром, после отбоя мои уезжают в Ростов. Внучка и правнуки. А мы остаемся. Зять мой в ополчении командует, дочка работает в новой власти. У всех своя судьба. Что до меня, то думаю – скоро мы с тобой встретимся. На том остаюсь, верный твой ординарец Микола Шербан».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.